

Ф.Д. ДЖЕЙМС

P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Двенадцать ключей
Рождества

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

This selection © the Estate of P. D. James

P. D. James

THE MISTLETOE MURDER AND OTHER STORIES
SLEEP NO MORE
SIX MURDEROUS TALES

«The Mistletoe Murder» first published in the «Spectator»;
«A Very Commonplace Murder» first published as
«Moment of Power» in «Ellery Queen's Murder Menu»;
«The Boxdale Inheritance» first published as
«Great-Aunt Ellie's Flypapers» in «Verdict of Thirteen»;
«The Twelve Clues of Christmas» first published in the
«Sunday Times».

Печатается с разрешения литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского *И. Я. Дорониной*

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Двенадцать ключей Рождества : [сборник рассказов] / Филлис Дороти Джеймс ; [пер. с англ. И. Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива).

ISBN 978-5-17-982481-7

Впервые на русском языке!

Как часто орудием судьбы становится маленькая, невинная на первый взгляд вещь! Дешевая игрушка. Шоколадная конфета. Пестрая рождественская хлопушка. Записка, на которой нацарапано несколько строк. И каждая — ключ к загадочному убийству...

Филлис Дороти Джеймс вошла в историю британского детектива как мастер крупных литературных форм и прежде всего как создательница хорошо известной и российскому читателю великолепной серии романов о приключениях интеллектуала из Скотленд-Ярда, гениального детектива Адама Дэлглиша.

Однако теперь она предстает перед читателем как автор замечательных детективных рассказов — глубоко психологичных, исполненных юмора, лаконичных, с продуманной интригой и эффектной, неожиданной развязкой.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P. D. James 1969, 1979, 1991, 2011
© The Estate of P. D. James, 2016
© Перевод. И.Я. Дорониной, 2017
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-982481-7

Предисловие

Как это случается со многими писателями детективного жанра, призвание Филлис Дороти Джеймс выросло на почве любви. Еще до того, как взялась за перо, она была страстной читательницей детективных романов и на протяжении всей своей долгой карьеры оставалась под очарованием так называемого «золотого века» детектива, который наступил после окончания Первой мировой войны. Но Ф.Д. Джеймс была больше чем поклонницей. Она применяла к прочитанному свой острый ум и развила в себе исключительную компетентность в предмете. Однажды мне довелось слышать ее лекцию о четырех королевах детектива — Дороти Л. Сэйерс, Агате Кристи, Марджери Аллингем и Найо Марш, — и она даже написала монографию на эту тему — «Разговор о детективной литературе». Любовь к произведениям предшественников нельзя не заметить и в этом сборнике ее рассказов: Ф.Д. Джеймс заимствует у «золотого века» механику построения сюжета, несколько раз упоминает Агату Кристи и разбрасывает там и сям намеки на

условности традиционной «уютной» детективной литературы.

Это порой вводит читателя в заблуждение, заставляя думать, будто Ф.Д. Джеймс — тоже из «уютных» писателей. На самом деле ее книги можно назвать как угодно, только не «уютными», и эти условности она перенимает только для того, чтобы развенчать их, порой весьма остроумно. Но есть деталь, которая особенно выделяет Ф.Д. Джеймс из основного потока традиционного английского детектива «золотого века» с его величественными домами и буржуазными деревнями, где грубая реальность никогда не поднимает голову. Ф.Д. Джеймс отдает себе отчет в том, что убийство отвратительно и жестоко, его провоцируют самые низменные мотивы, и не боится посмотреть в глаза факту, что мрак вооружен и опасен. Ее понимание того, что она называет «злодеянием», пугающе точно. Ничего «уютного» в убийствах, о каких рассказывается в этой книге, нет, как бы антураж этих историй ни напоминал декорации, в которых происходит действие произведений авторов «уютного» детектива.

Этот антураж является еще одной отличительной особенностью сочинений Ф.Д. Джеймс. Время и место действия в ее рассказах всегда особенно важно. Она описывает их со скрупулезной тщательностью, давая возможность читателю живо представить фон, на котором разворачиваются события. И заставляет этот фон «работать» — он

создает атмосферу и нередко предвещает то, что должно случиться. Вот как мы впервые видим Статли-Мэнор: «Он угадывался в темноте — строгий непреклонный абрис на фоне серого неба, пронзенного немногочисленными высокими звездами. А потом луна вышла из-за облака, и дом проявился, как фотографии: красивый, симметричный и загадочный, он купался в белом лунном сиянии». И мы сразу догадываемся, что впереди — нечто зловещее и таинственное.

Так же, как понятие «злодеяние», она представляет и чрезвычайно важное для нее понятие достоинства. Среди ее персонажей есть люди, готовые убить, чтобы сохранить репутацию и престиж, но они никогда не совершили бы этого вульгарно. Изящная проза Ф.Д. Джеймс играет с читателем по правилам и погружает нас в состояние ложной безопасности, как пытаются это сделать ее персонажи-убийцы. За безмятежными фасадами зреют зло и тревога ожидания, увлекающие нас в темные, злчные и ужасающие углы. Но написано это всегда превосходно. Собранные здесь рассказы — восхитительный подарок нам, читателям, преподнесенный тогда, когда мы уже думали, что не прочитаем больше новых произведений Ф.Д. Джеймс.

Вэл Макдермид

Вступление

В своем предисловии к антологии детективных рассказов, опубликованной в 1934 году, Дороти Л. Сэйерс писала: «Похоже, смерть доставляет уму англосакса большее невинное развлечение, чем любой другой сюжет». Разумеется, она имела в виду не ужасные, грязные и порой жалкие убийства, которые происходят в реальности, а таинственные, изящно придуманные и приобретенные известность сочинения детективных авторов. Наверное, «развлечение» не совсем подходящее слово; было бы точнее сказать — занятие, отдых или источник возбуждения. И, судя по всемирной популярности детективной литературы, не только англосаксов увлекают самые отвратительные убийства. Миллионы читателей по всему миру чувствуют себя как дома в тесном рабочем кабинете Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221, в очаровательном коттедже мисс Марпл в Сент-Мэри-Мид и в элегантной квартире лорда Уимзи на Пиккадилли.

В период, предшествовавший Второй мировой войне, самой популярной формой детективной литературы являлся рассказ. Два писателя, которые по праву считаются основоположниками детективного рассказа, Эдгар Аллан По и сэр Артур Конан Дойл, были мастерами этого жанра, и первый из них предвосхитил часть характерных черт не только детективного рассказа, но и детективного романа: персонаж, на кого менее всего падают подозрения, оказывающийся убийцей; «кабинетный детектив», раскрывающий преступление не выходя из дома; эпистолярная форма, в которой ведется повествование. Эрик Эмблер писал: «Детективный рассказ, может, и возник в голове Эдгара Аллана По, но питал его, облекал в одежды и вращивал Лондон». Размышлял он, конечно, и о гении Конан Дойла, создателя образа самого знаменитого детектива в мировой литературе. Он завещал жанру уважение к разуму, конкретный интеллектуализм, большее доверие к рассуждению, чем к физической силе, отвращение к сентиментальности и умение создать атмосферу таинственности и готического ужаса, которая тем не менее прочно уходит корнями в физическую реальность. А главное, более чем какой-либо другой писатель, Артур Конан Дойл утвердил и сделал традиционным образ выдающегося детектива, всеведущего любителя, чья личная, порой причудливая эксцентричность контрастирует с рациональностью его методов и который вселяет

в читателя уверенность в том, что, невзирая на нашу очевидную беспомощность, мы все же живем в разумной вселенной.

Рассказы о Шерлоке Холмсе — самые знаменитые, однако они не единственные, достойные того, чтобы их перечитывать. Джулиан Саймонс, известный критик детективной литературы, заметил, что большинство выдающихся авторов, работающих в жанре рассказа, обращались к детективу как к альтернативе основному роду литературной деятельности и с удовольствием использовали эту младенческую еще форму, поскольку она представляла им неограниченные возможности новизны и разнообразия. Гилберт Кит Честертон являет собой пример писателя, чьи основные интересы лежали в иной плоскости, но его рассказы о патере Брауне до сих пор читаются с удовольствием. Удивительно, как много других выдающихся писателей пробовали себя в жанре детективного рассказа. Во второй серии антологии «Выдающиеся рассказы о расследованиях, тайнах и ужасах», опубликованной в 1931 году, среди авторов значились Г.Д. Уэллс, Уилки Коллинз, Уолтер де ла Мар, Чарлз Диккенс, Артур Квиллер-Кауч и другие.

Немногочисленные нынешние писатели-детективщики не испытывают влияния своих предшественников, большинство из них охотнее пишут романы, а не рассказы. Отчасти это связано с сокращением рынка литературы коротких форм как

таковых, но главная причина скорее всего в том, что детективный рассказ больше приблизился к основному потоку литературы, а писателю требуется простор, если он хочет в полной мере использовать психологические тонкости характера персонажей, сложности взаимоотношений и воздействие убийства и полицейского расследования на жизнь этих персонажей.

Рамки рассказа по определению ограничены, и это значит, что автор достигает наилучшего результата, если имеет дело с одним происшествием и одной доминирующей идеей. Успех рассказа в большой степени определяется оригинальностью и ценностью этой идеи. Рассказ композиционно гораздо проще романа, однако его концепция более прямолинейна и целеустремленно направлена к разгадке. В рамках своего более скромного замысла он тем не менее тоже может явить правдоподобный мир, куда читатель вступает, чтобы получить то, чего он ожидает от детективной литературы как таковой: внушающую доверие тайну, напряжение и волнение, персонажей, каких мы можем опознать, если и не всегда испытать к ним сочувствие, и развязку, которая не разочарует. Писатель находит удовлетворение в искусстве вместить в несколько тысяч слов все те существенные элементы сюжета, декорации, характеристики персонажей и неожиданности, которые необходимы, чтобы создать хороший детективный рассказ.

Хотя большинство моих собственных сочинений — романы, я получила огромное удовольствие, рискнув обратиться к рассказу. Здесь нужно уметь ограниченными средствами поведать о многом. Тут нет возможности для пространных и подробных описаний места действия, тем не менее оно должно живо представиться читателю. Разработка характера важна не менее, чем в романе, однако основные его черты необходимо передать экономно, немногими словами. Сюжет должен быть крепким, но не слишком сложным, а развязка, к которой неотвратимо ведет каждая фраза повествования, должна удивить читателя и не вызвать у него ощущения обманутости. Все служит самой главной составляющей рассказа: потрясению неожиданностью. Из сказанного следует, что хороший рассказ сочинить трудно, но в наш суетный век такой рассказ может доставить одно из самых больших удовольствий.

Ф. Д. Джеймс

ДОМ ТВОЕЙ МЕЧТЫ

До и после суда над Гарольдом Винсоном, где я выступал в качестве свидетеля обвинения, как обычно, было много безосновательных, бессмысленных и повторяющихся спекуляций на тему: могло ли кому-то, кто его знал, прийти в голову, что он способен замыслить убийство собственной жены? Считалось, что я знал его лучше других преподавателей, и коллег раздражало мое якобы фаризейство, поскольку я всячески противился участию в общих сплетнях о том, что в конце концов стало самым громким школьным скандалом за последние двадцать лет.

— Вы знали обоих, бывали у них дома, видели их вместе. Неужели ни о чем не догадывались? — донимали они меня расспросами, полагая, что я проявил прискорбную беспечность. — Мол, должен был заметить, что происходит, и предотвратить последствия.

Нет, я ни о чем не догадывался, вернее, если у меня и возникали какие-то подозрения, то они

оказались неверны. Но в одном коллеги были правы: я мог предотвратить последствия.

С Гарольдом Винсоном я познакомился, когда меня приняли на должность учителя рисования младших классов в общеобразовательную школу, где он преподавал математику старшим. Это место не навевало тоску, как современные «фабрики обучения». Заведение располагалось в помещении бывшей классической средней школы XVIII века, не слишком изуродованном небольшой перестройкой, в довольно милом спальном городке на берегу реки милях в двадцати к юго-востоку от Лондона. Его население составляли в основном представители среднего класса, немного чопорные и консервативные в культурном плане, но едва ли блестящие интеллектом. Тем не менее, он вполне подходил мне в качестве первого места службы. Я ничего не имею против среднего класса и его привычек — сам принадлежу к среднему классу. И я понимал, как мне повезло, что получил эту работу. Моя история характерна для художника, обладающего определенными способностями, но не испытывающего достаточного уважения к модным веяниям современной элиты, чтобы прилично зарабатывать на жизнь рисованием. Более преданные своему ремеслу мужчины предпочитали жить в дешевых студиях. Я же озабочен тем, где и как жить, поэтому для меня был важен диплом преподавателя и место в общеобразовательной школе Уэст-Фэринга.

Мне хватило одного вечера в доме Винсона, чтобы понять: он садист. Я не имею в виду, что Винсон мучил своих учеников. Пусть бы только попробовал, это не сошло бы ему с рук. В наши дни баланс силы в классной комнате мстительно сдвинулся, и издевательства стали привилегией учеников. Нет, как учитель он был на удивление терпимым и добросовестным, увлеченно преподавал свой предмет («дисциплину», как Винсон предпочитал говорить, будучи отчасти снобом-интеллектуалом, приверженным академическому жаргону) и умел заразить своим энтузиазмом детей. Он был очень строгим во всем, что касалось дисциплины, но я никогда не замечал, чтобы детям не нравилась строгость со стороны учителя, если только тот не позволял себе мелочного сарказма, который ученики, не имея возможности ответить тем же, воспринимали как особую несправедливость. Винсон прекрасно готовил их к экзаменам. Что ни говори, а это и детки из среднего класса, и их родители высоко ценят. Прошу прощения за расхожее словечко «детки», с оттенком снисходительности и лъстивости одновременно. Винсон не употреблял его. Он имел привычку называть своих учеников питомцами. Веселым человеком Винсон не был. Жесткие черты его лица редко расплывались в улыбке, а когда это случалось, то напоминало скорее болезненную гримасу. Со своей худой, немного сутулой фигурой, серьезным взглядом из-за очков в роговой оправе,